

КАРЛ ХАУСХОФЕР

О ГЕОПОЛИТИКЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 327
ББК 66.4(0)
Х26

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *И. Усачева*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Хаусхофер, Карл.

Х26 О геополитике / Карл Хаусхофер ; [перевод с немецкого И. Усачева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-188039-2

Карл Хаусхофер (1869–1946) — немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики, получил военное образование, выполнял различные дипломатические поручения в Юго-Восточной Азии, работал военным атташе в Японии, участник Первой мировой войны (вышел в отставку в звании генерал-майора). Многие годы был профессором Мюнхенского университета, основал немецкий Институт геополитики и «Журнал геополитики».

Развивая взгляды Ратцеля, Челлена, Маккиндера и идею Бисмарка о русско-германском союзе, автор разработал своеобразный вариант евразийства — военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)», который должен был объединить государства Евразии в противовес англосаксонскому миру.

В этой доктрине Хаусхофер ввел в оборот понятие Lebensraum — «жизненного пространства», — ставшее официальной доктриной Третьего рейха. При этом сам Карл Хаусхофер не разделял воззрений нацистской верхушки Германии и даже попал за свои убеждения в концлагерь Дахау.

Настоящее издание включает в себя избранные произведения: «Границы в их географическом и политическом значении», «Панидеи в геополитике», «Статус-кво и обновление жизни», «Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония».

УДК 327
ББК 66.4(0)

© Перевод, послесловие. И. Усачев, наследники, 2024
ISBN 978-5-17-188039-2 © ООО «Издательство АСТ», 2026

Предисловие

Обострение интереса к тому, что можно отнести к понятию геополитики как научной дисциплины или суммы представлений, помогающих ориентироваться в политической сфере, объяснимо, более того, даже закономерно. Изменения, происходившие и накапливавшиеся на протяжении XX в., и особенно к его исходу, в области международных и межгосударственных отношений, ломка и перестройка самой их структуры, повлекшие за собой глубокие сдвиги в расстановке сил на мировой арене, придали совершенно новый облик миру в целом. Это, естественно, побуждает всех, кому дороги судьбы нашей планеты, а не только специалистов и политиков-практиков, задуматься над происходящим, над тем, что ожидает мир в будущем, пересмотреть прежние взгляды на глобальные проблемы мирового развития. Особую актуальность это имеет для России, история которой в XX в. подверглась столь кардинальным трансформациям.

При таком пересмотре мысль неизбежно обращается к поиску и выявлению того, что представляется постоянными составляющими в обстановке нынешних перемен, что, бесспорно, оказывало влияние на формирование обществ, государств, их взаимоотноше-

ний в прошлом, сохраняет свои качества в настоящем и, видимо, сохранит в будущем. К таким составляющим следует отнести положение народов, обществ, государств на земле, сформировавшееся в процессе длительной эволюции и запечатленное на географических картах. Отсюда первый и, пожалуй, наиболее сильный побудительный стимул обращения к геополитике.

Сам термин «геополитика» был введен в научный оборот в 1916 г. шведским ученым Рудольфом Челленом, определившим ее как науку о государстве, олицетворяющем собой «географический организм в пространстве». Челлен не претендовал на роль первооткрывателя, считая своим учителем немецкого ученого Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1897 г. книгу «Политическая география», где впервые была выдвинута мысль о государстве как живом организме, укорененном в почве. Ранее, в 1882 г., в Штутгарте вышел его фундаментальный труд «Антропогеография», в котором он сформулировал свои основные идеи о связи эволюции народов и демографии с географическими условиями жизни, о влиянии природной среды на культурное и политическое становление народов.

Возникшая в качестве научного направления на европейской почве геополитика впервые заявила о себе в Германии, где была создана наиболее сильная школа геополитики. Ее ярким представителем является Карл Хаусхофер, переводы четырех трудов которого, публикуемые впервые — «Границы в их географическом и политическом значении» (1927), «Панидеи в геополитике» (1931), «Статус-кво и обновление мира» (1939) и «Континентальный блок» (1941), — образуют предлагаемую книгу. Эти работы помогут читателю создать весьма рельефное представление не только о взглядах их автора и школы,

к которой он принадлежал, но и о самой геополитике в широком смысле слова. В историю этого направления Карл Хаусхофер вошел как ученый высокой профессиональной квалификации и широкой эрудиции. Он глубоко изучил труды своих соотечественников, а также англичанина Макиндера, шведа Челлена, француза Видаля де ла Блаша, американца Мэхена и других геополитиков. Он не обошел своим вниманием и русских ученых, прежде всего сочинения выдающегося публициста и социолога Н. Я. Данилевского, главный труд которого «Россия и Европа» был опубликован в Германии в немецком переводе. Следует напомнить, что российские ученые создали собственную школу геополитики, выдвинув доктрину евразийства. К этому надо добавить широкий круг научных дисциплин, к которым Хаусхофер прибегает при изложении результатов своих исследований помимо географии, — историю, антропологию, биологию, право, военную теорию...

Эрудированность Хаусхофера, его явная склонность к теоретическим обобщениям отнюдь не дают оснований утверждать, что мы имеем дело с кабинетным ученым. Да и может ли вообще настоящий географ, сочетающий разносторонние географические познания с политической деятельностью, замкнуться в башне из слоновой кости? К тому же весьма непростой жизненный путь Хаусхофера наделил его богатым практическим опытом.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 г. в семье профессора. Однако, вопреки семейной традиции, он решил стать профессиональным военным, более двадцати лет прослужил в армии, участвовал в сражениях Первой мировой войны и вышел в отставку в звании генерал-майора. В 1908–1910 гг. за-

нимал пост германского военного атташе в Японии, что позволило ему вплотную соприкоснуться с проблемами Дальнего Востока и Тихого океана и обратиться к науке. Его первое исследование «Дай Нихон» («Великая Япония») было посвящено геополитике Японии и издано в Мюнхене в 1913 г. В 1921 г. Хаусхофер стал профессором географии Мюнхенского университета, где основал Институт геополитики.

В литературе встречаются утверждения, что Хаусхофер был «влиятельным» советником Гитлера. Более того, ему приписывают чуть ли не участие в составлении «Майн кампф». Однако реальные факты свидетельствуют о неоднозначности отношений Хаусхофера с нацистским режимом. Действительно, Хаусхофер был лично знаком с Гитлером, такое знакомство состоялось при посредничестве ученика Хаусхофера — Рудольфа Гесса, ставшего впоследствии заместителем фюрера по нацистской партии. Именно Гесс довел до сведения Гитлера идеи Хаусхофера. Ряд его идей, таких как выход народов и государств на «естественные» границы, целесообразность и даже необходимость территориальных уступок в пользу «ущемленных» в пространстве народов и государств, — на которые, несомненно, обратит внимание читатель публикуемых сочинений Хаусхофера, — был созвучен экспансионистским настроениям нацистских заправил. И все же с достаточным на то основанием можно говорить о том, что Хаусхофер оказал сильное влияние на взгляды Гитлера, а не наоборот, и это подтверждают, например, «Застольные разговоры Гитлера»¹.

¹ См.: *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 36–41.

Было бы, однако, если не антинаучным, то по меньшей мере несправедливым видеть Хаусхофера в роли безусловного адепта правившего в те годы в Германии режима. Истоки его концепций, как уже отмечалось, следует искать в идеях Ратцеля о государстве как живом организме, которое рождается, растет и умирает подобно живому существу. Отдает он дань и взглядам немецкого философа Освальда Шпенглера, который, следуя этой канве, разбивал историю на ряд независимых «культур», особых сверхорганизмов, имеющих индивидуальную судьбу и переживающих периоды возникновения, расцвета и умирания.

Из мемуаров гитлеровского разведчика Вальтера Шелленберга известно, что Хаусхофер сотрудничал с Рихардом Зорге¹, а из мемуаров австрийского писателя Стефана Цвейга, которого случай свел с Хаусхофером на пароходе, следовавшем в Токио, мы узнаем, что эта встреча вылилась в дружбу. Хаусхофер поразил его эрудицией, умением глубоко мыслить и убедительно излагать свои наблюдения, что импонировало Цвейгу как психологу-импрессионисту, автору ряда проникновенных биографий выдающихся личностей. Цвейг понимал, что гитлеровский режим попытается обласкать Хаусхофера, и, отыскивая причину этого, прозорливо усматривал ее в тех возможностях, какие предоставляла соответствующим образом скорректированная геополитика, дабы прикрыть «философским покровом» стремление к откровенной агрессии.

Действительно, воззрения Хаусхофера и статус его семьи не во всем совмещались с порядками на-

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 161.

цистского рейха. «Прежде всего, — отмечает Стефан Цвейг, — жена Хаусхофера не принадлежала к чисто арийской расе, и его сыновья... никоим образом не соответствовали Нюрнбергским законам о гражданстве и расе»¹. Известно, что сын Хаусхофера, Альбрехт, был близок к антигитлеровской оппозиции, участвовавшей в заговоре 20 июля 1944 г., и был арестован. Находясь в тюрьме, написал «Моабитские сонеты», которые считаются одним из образцов немецкой литературы антифашистского Сопротивления. Накануне капитуляции Германии, в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г., Альбрехт был расстрелян гестапо².

Что касается самого Карла Хаусхофера, то он не разделял безоговорочно воззрений правящей верхушки. По мнению Цвейга, читавшего книги своего друга, исходные намерения немецкого геополитика «нацеливались на сближение наций»³, т. е. расходились по существу с планами нацистских идеологов. Поэтому Цвейг категорически отвергает изображение Хаусхофера как некоего демонического «серого кардинала», который, отойдя на второй план, замышляет самые страшные планы и нашептывает их фюреру.

Представление об авторе публикуемых трудов не будет полным, если не упомянуть о его личных нестыковках с государственным режимом. Первая нестыковка относится к 10 мая 1941 г., когда ближай-

¹ Нюрнбергские законы о гражданстве и расе (законы гетто) — принятые рейхстагом 15 сентября 1935 г. два закона, определявшие статус евреев в Третьем рейхе с целью ограничения их прав в политической и общественной жизни Германии.

² Shirer W. L. The Rise and Fall of the Third Reich. New York, 1962. P. 1393.

³ Zweig St. Le Mond d'Hier. Paris, 1948. P. 222, 223.

ший сподвижник Гитлера — Рудольф Гесс, пытавшийся как-то нейтрализовать роль Англии в войне против Советского Союза, на истребителе Me-110 совершил перелет в Шотландию и приземлился на парашюте около поместья своего друга — герцога Гамильтона. Изложение мотивов, побудивших Гесса к этому полету, увело бы нас в сторону. Поэтому ограничимся упоминанием некоторых деталей, связывающих полет Гесса с именем Хаусхофера. Так, из воспоминаний В. Шелленберга известно, что Хаусхофер привлекался к расследованию в связи с полетом Гесса. На Хаусхофера пало подозрение в том, что он якобы вел какие-то «предварительные переговоры» в Швейцарии. Это подозрение не подтвердилось¹.

Хаусхофер не просто разделял мысли Бисмарка о недопустимости для Германии войны на два фронта — на Западе и на Востоке. Он был сторонником теории британского геополитика Макиндера, выступившего в 1904 г. с докладом «Географическая ось истории», в котором развивал концепцию о Евразийском континенте как наиболее благоприятном географическом плацдарме для контроля над всем миром. Отталкиваясь от этой теории, Хаусхофер выступал за блок Германия — Россия — Япония, был противником вторжения в Советский Союз, предсказывал, что германская армия потерпит поражение, «если попытается проглотить обширные земли России». Как отмечают американские авторы Палмер и Перкинс, за такую «крамолу» Хаусхофер угодил в концлагерь Дахау².

¹ Шелленберг В. Указ. соч. С. 186.

² Palmer N. D., Perkins H. C. International Relations. The World Community in Transition. Third Edition. Boston, 1969. P. 43.

После освобождения в 1945 г., когда война уже окончилась, Хаусхофер возвратился в Мюнхен. Однако пережитое надломило его моральные силы, и 13 марта 1946 г. он вместе с женой Мартой покончил жизнь самоубийством. Таким образом, Хаусхофер повторил акт, совершенный его другом С. Цвейгом в 1942 г. в Бразилии, куда он эмигрировал, спасаясь от нацистских преследований.

Взгляды Карла Хаусхофера, иных геополитиков как немецкой, так и других школ могут показаться в свете изменений, происшедших в мире, и научно-технических достижений — создания ядерного и термоядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет и искусственных спутников Земли — устаревшими и неприменимыми в новых условиях. И с рядом концепций, выдвигавшихся в прошлом, следует распрощаться. Не следует, однако, забывать, что геополитика зародилась как динамичная дисциплина, творцы и сторонники которой весьма гибко приспособляли свои взгляды к менявшимся условиям. Геополитика как таковая не изжила себя. Более того, процессы развития общества в XX в. раздвинули ее рамки, придав ей новые измерения, и это делает необходимым в наше время иметь ясное представление об ее основах. Тем более к этому призывает само положение России, которая может сыграть роль крупного и полезного моста между Европой и Азией. Первым его звеном может явиться укрепление и развитие сообщества новых государств, возникших на постсоветском пространстве.

*Чрезвычайный и полномочный посол в отставке,
доктор исторических наук
И. Г. Усачев*

*ГРАНИЦЫ В ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ*

*Обоим моим сыновьям
посвящается*

Предисловие

Систематическое военно-географическое самообразование, связанное со склонностью и долгом, а также служба за рубежом и ход войн дали мне возможность, исходя из собственной интуиции и опыта, изучить многие важнейшие вопросы границ на земле в мирное и военное время, отчасти поверхностно — во время поездок и путешествий, отчасти основательно — в тяжелой ответственной борьбе за прочность границ на родине и за ее пределами.

Среди этих границ были не только германо-романский рубеж на всем его протяжении от Фландрии вдоль Мааса и Мозеля до Вогез и Бургундских ворот в Юре и, кроме того, в пересеченных ландшафтах Швейцарии, итальянская альпийская граница; не только проницаемая германская граница с западными и восточными славянами во всех разновидностях — от Балтики до Карпат и нижнего течения Дуная и Дравы, — но и границы частей света и морских акваторий: европейско-азиатская, азиатско-африканская, индо-тихоокеанская, северо-западная граница Индии и рубеж по религиозному и расовым признакам в Гималаях; индийско-китайские переходы в Индокитае, китайско-японо-русская пограничная проблема в Маньчжурии и Мон-

голии. Наслоение физических, биологических и антропогеографических рубежей и многообразных пограничных зон, океанских и континентальных контрастов с их переходными формами в районах крупных рек и морских побережий оживило мои представления и добытые опытом понятия, весьма далекие от теории. Когда же я, наконец, — в противовес столь сильному пограничному инстинкту и пограничному сознанию, которые мне довелось почувствовать у чужеземных народов, — поздней осенью 1918 г. в качестве командира резервной дивизии, продвигаясь от лежавших в руинах имперских границ вглубь страны, испытал полную утрату инстинкта в вопросах границы собственной высокоодаренной нацией, ее слепое доверие к враждебной фразеологии, болезненно пережил вместе с ней самообман по поводу фактически неугасающей на границе борьбы за жизненное пространство на земле, тогда возник стимул к этой работе и ее замысел, продиктованный собственной внутренней потребностью и предвидимой будущей склонностью моего народа.

То, что кажется само собой разумеющимся лидерам младокитайцев относительно крупных концернов — грабителей мира, в 1914—1918 гг. вырвавших новые, более выгодные для себя границы, и что побудило их сказать с мрачной иронией: «После того, как они ограбили мир, они предложили ему приостановить грабеж», — это еще не стало ясным сегодня большинству населения Центральной Европы. Напротив, часть обманно лишившихся своих границ культурных народов европейского Центра многократным, чудовищным грабежом и уродованием земли собственного народа в типично германском самоистязании видела шаг к будущему, более справедливому решению

всех пограничных вопросов человечества. Взгляд на наши тщательно составленные фундаментальные энциклопедии, а также довоенные труды о границах показывает нам, каким образом произошло это искажение национального жизненного инстинкта. Если в каких-нибудь пухлых томах мы находим слово «граница», то это прежде всего математические и философские размышления о ней в широком толковании, далеко от географических и политических предпочтений. Факт, что граница и переход между государствами (Staatsumzug) — прежде всего организация, охватывающая политическую, хозяйственную и культурную жизненную возможность, на чем, к примеру, делает сильный акцент «Encyclopaedia Britannica», в большинстве работ, опубликованных в Центральной Европе, вряд ли обсуждается, а вернее не ставится на передний план. Насколько я знаю, ныне в Германии еще нет ни одной книги, на титульном листе которой прямо значится слово «границы» и которая проливает истинный свет на жизнь границы во всех ее контрастах.

Такое намеренно одностороннее рассмотрение на основе путеводного геополитического мышления, насколько мне известно, предпринимается здесь впервые, с полным осознанием того, что в понимании политической географии я опираюсь на плечи Ратцеля, Зупана, Мауля и предварительную работу многих политических союзов, но, к сожалению, все же больше на фундамент политической науки наших оппонентов, чем нашей собственной.

Но можно ли справедливым, обоснованным с позиций естественных наук, истинно социальным образом разрешить главную проблему физической антропогеографии (как ее по праву назвал Пенк), а именно